

УДК 929

<https://doi.org/10.31775/2305-3100-2020-1-94-101>

«...НАДОБНО ПИСАТЬ ВСЕГДА ЗА ИСТЕКШИЙ УЖЕ МЕСЯЦ – ЧТОБ БЫЛА ЛЕТОПИСЬ» (ПИСЬМА И.Д. ПОПКО В.Ф. ЗОЛОТАРЕНКО В ФОНДАХ ГАСК)

И.Г. Иванцов¹, И.В. Дубинин²

¹ Краснодарское высшее военное училище, Краснодар, Российская Федерация

² Динской механико-технологический техникум, ст. Динская, Краснодарский край, Российская Федерация

Аннотация. Одним из самых известных историков Черноморья является Иван Диомидович Попко, автор книг и целого ряда статей по истории казачества, который зрелую часть своей сознательной жизни провел в Ставрополе. Поэтому основная часть его архива храниться там же. Значительную его часть составляют письма личного характера из Екатеринодара, Тифлиса, Владикавказа, Санкт-Петербурга и др. городов. В Государственном архиве Ставропольского края, в фонде 377, авторам статьи удалось обнаружить документы, представляющие огромный интерес для историков, изучающих повседневную жизнь города Екатеринодара середины XIX в., – это записки (4 листа), которыми обменивались молодые Иван Диомидович и Василий Федорович до отъезда последнего в Ставрополь, и 39 писем И.Д. Попко В.Ф. Золотаренко, в период с 1847 по 1855 гг. Обзор выявленных записок и писем и предлагается читателю.

Ключевые слова: Дневник, записки, источники, И.Д. Попко, личные письма, переписка, повседневность города Екатеринодара

Для цитирования: Иванцов И.Г., Дубинин И.В. «...Надобно писать всегда за истекший уже месяц – чтоб была летопись» (Письма И.Д. Попко В.Ф. Золотаренко в фондах ГАСК) // Научный вестник Южного института менеджмента. 2020. №1. С. 94-101. (In Russ.) <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2020-1-94-101>

Конфликт интересов отсутствует

«...YOU SHOULD ALWAYS WRITE FOR THE PAST MONTH – THAT THERE WAS A CHRONICLE» (LETTERS OF I.D. POPKO V.F. ZOLOTARENKO IN THE GASK FUNDS)

Igor G. Ivantsov¹, Igor V. Dubinin²

¹ Krasnodar higher military school, Krasnodar, Russian Federation

² Dinskoy mechanical and technological technical school, Dinskaya village, Krasnodar territory, Russian Federation

Abstract. One of the most famous historians of chernomoria is Ivan diomidovich Popko, author of books and a number of articles on the history of the Cossacks, who spent the Mature part of his adult life in Stavropol. Therefore, the main part of its archive is stored there. A significant part of it consists of personal letters from Ekaterinodar, Tiflis, Vladikavkaz, St. Petersburg, and other cities. In the State archive of the Stavropol territory, the Fund 377, the authors were able to discover documents of great interest to historians who study the everyday life of the city of Ekaterinodar the mid-nineteenth century – it notes (4 sheets) exchanged between young Ivan and Diomidovich Vasily Fedorovich to the last departure in Stavropol, and 39 letters I.D. Popko, V.F., Zolotarenko, in the period from 1847 to 1855 A review of the identified notes and letters is offered to the reader.

Keyword: Diary, notes, sources, I.D. Popko, personal letters, correspondence, everyday life of the city of Ekaterinodar

For citation: Ivantsov I.G., Dubinin I.V. «...It is Necessary to write always for the past month – that there was a chronicle» (Letters of I.D. Popko V.F. Zolotarenko in GASK funds). Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management. 2020; (1): 94-101. (In Russ.) <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2020-1-94-101>

There is no conflict of interest

В истории Черномории остается довольно много белых пятен. Так случилось, что первоисточников по истории региона первой половины XIX века сохранилось немного. Среди наиболее известных, можно назвать лишь несколько – небольшую работу В. Ф. Золотаренко «Плач Василия при реке Кубани» [1] и его дневники, охватывающие период с 1843 по 1847 гг., да работу А. М. Туренко «Исторические записки о Войске Черноморском» [2].

Заполнить белые пятна позволяют, в том числе и личные письма генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска, Ивана Диомидовича Попко (Попки), выявленные в Государственном архиве Ставропольского края, в фонде 377.

Выявленные материалы представляют из себя несколько записок и 39 писем И. Д. Попко, адресованных его другу, В. Ф. Золотаренко, охватывающие период с 1847 по 1855 гг. Они являются ценными источниками, проливающими свет на историю повседневной жизни Екатеринодара, подробностей личной жизни будущего генерала и государственного деятеля.

По годам письма распределены не равномерно, если за 1847, 1851 и 1855 гг. сохранилось по одному письму, за 1848 г. – 5, то за 1849 г. уже 14, а 1850 г. – 18. Знакомясь с посланиями можно сделать вывод, что некоторые письма не сохранились. Подтверждением такого заключения являются строки одного из писем Ивана Диомидовича, в котором он писал, что «хронологически счет наших посланий потерян. Как это можно – не завоюет ли волком история над таким пробелом чрез несколько столетий. Движимый столь благородным опасением я даже в лихорадочном угаре пишу, и пишу – о великодушные! – за июль. Много быть не должно. Чтоб не поощрять лето и не делать анахронизмов – надобно писать всегда за истекший уже месяц – чтоб была летопись; но не забегать вперед, подобно дьячку вычитывающему вперед длинный псалом...» [3, Л.14 об, 15].

Вообще отношение к письмам у И.Д. Попко было трепетное: «если можно заключить о человеке по его знакомствам, то гораздо с большей основательностью можно произносить приговоры о человеке по его письмам – я хочу сказать – по имеющимся в его ящике письмам. Человек, сохраняющий письма, носит третью суму, о которой Язоп не упомянул. Знакомство – мимолетная диагностика, а письма – долговечная летопись человеческого бытия. Письма это хартия, остающаяся при кресте и после того как человек уже дотащил его до вершины и сошел оттуда в долину. Не только предосудительно, но даже вредно истреблять письма...» [3, Л.67, 67 об].

Особенно он выделял личные послания: «я храню все вообще письма, в которых не пишут мне «имею честь быть Вашим, Милостивый государь» – в том числе и Ваши. Стало быть, предложение, выраженное в последнем Вашем послании относительно хранения писем – принято гораздо прежде еще...» [3, Л. 67 об, 68].

Каким образом, письма, адресованные другому человеку, оказались в архиве отправителя можно только догадываться. Хотя, зная отношение Ивана Диомидовича к письмам, можно предположить, что уезжающий в Санкт-Петербург В. Ф. Золотаренко оставил их И. Д. Попко.

Послания представляют собой разные по размеру листы бумаги, исписанные убористым почерком, окончания некоторых посланий написаны на полях, оправдываясь за такую небрежность, в одном из писем И. Д. Попко писал: «Не куда дальше писать – а третьего листа не хочется начинать. Начнешь – не утерпишь, чтобы не кончить» [3, Л. 73 об].

В некоторых письмах Иван Диамидович оставлял заметки: «Ваше срочное послание с приветом, с новым годом я имел удовольствие получить. Уведомьте о здоровье Н. С.» (Завадовский Николай Степанович) [3, Л. 18] или «Посылаю портрет Г.А.Р.» (Рашпиль, Григорий Антонович) [3, Л. 18 об].

И. Д. Попко, как и его друг были суеверны и верили в вещи сны, поэтому в конце письма от 19 ноября 1849 г. он приписал: «минувшую ночь во сне я удил рыбу и вытащил огромного сазана» [3, Л. 34 об].

Кроме этого на письме от 8 июля 1849 г. рукой Н.Ф. Левченко (Левченко, Никита Федорович – сотник, секретарь межевой комиссии Черноморского Казачьего войска) приписано: «Василию Федоровичу кланяюсь, свидетельствую почтение и целую в братские его губы. Н. Левченко» [3, Л. 26 об].

На всех письмах есть пометки сделанные рукой В.Ф. Золотаренко (6.12.1848), в основном это дата написания ответного послания, но на некоторых письмах он делал любопытные приписки, типа: «Отослать 20 декабря. Поддержал малодушие» [3, Л. 9], «Спасибо, спасибо, великое, братцы», 19 июля 1848. [3, Л. 3], «Ай, напиться, ай нет. Воскресенье» 11.12.1849. [3, Л. 41], «Единственная отрада – письмо это» 8.01.1850. [3, Л. 45] и др.

Некоторые письма содержат несколько строк, другие представляют собой развернутые послания на 6-8 страниц.

Записки, предваряют письма и охватывают небольшой период с января по апрель 1847 г. и относятся, к периоду, когда оба друга находились в Екатеринодаре. Короткие послания занимают четыре листа, и писались попеременно, сначала Василием Федоровичем, затем Иваном Диомидовичем. На

листах находятся пятна от жидких веществ, предположительно чай и вино. В них предстает повседневная жизнь друзей, зачастую, в несколько фривольном свете: «Иван Диомидович! Посылаю Вами (...), занесенные вчера в академию, по недоразумению академии. Прошу наполнить посылаемый сосуд чернилами, (...) есть, а буде нет, то истребуйте из обсерватории и мне ссудите. ВЗ» [3, Л. 85].

Академией друзья называли Екатеринодарское войсковое училище, а вот определить, что такое обсерватория пока не удалось. Некоторые слова пока прочесть не удастся. Причина кроется в ответе Ивана Диомидовича: «На сии строки, начертанные дрожущею с похмелья рукою имею честь засвидетельствовать мою благодарность и утреннее почтение... И. П. Эпоха вареников» [3, Л. 85].

В другом послании Василий Федорович пишет: «Иван Диомидович! Прошу завтра пожаловать на торжественный пирог, к которому будет присовокуплен, в заключение спектакль... [3, Л. 86], на что Иван Диомидович отвечал: «пирог есть не дурно; следовательно и прибыть незатруднительно, не смотря на развитие пятой стихии до точки утопления...» [3, Л. 86].

Вообще «пятую стихию», знаменитую екатеринодарскую грязь, письмоводитель, в своих посланиях, упоминает не один раз.

В записках упоминаются некоторые екатеринодарские персонажи 1847 г., к примеру, И. Д. Попко, в одной из записок просит В. Ф. Золотаренко напомнить их общему другу, что я «Ивана Митрича прошу устоять на слове идти сегодня после обеда в лавки для покупки скрипки...» [3, 85].

В другой записке Василий Федорович пишет, что «свидетельство не попало в дело: одна статья пропущена. Посылаю новое и прошу ублажить Дегтярева подписать. Для соображения посылаю и прежнее. ВЗ» [3, Л. 85]. На что Иван Диомидович отвечает: «Сейчас будет подписано и подшито. И. П.» [3, Л. 85].

Как и записки, первое письмо И. Д. Попко относится к 1847 г. и написано 23 июня из Пятигорска в Екатеринодар, где он находился на лечении.

Остальные письма, начиная с 1848 г. и заканчивая 1851 г. отправлены из столицы Черноморья в губернский город Ставрополь, В. Ф. Золотаренко, куда последний переехал, и куда мечтал «эмигрировать» Иван Диомидович.

Последнее письмо, датировано 6 февраля 1855 г. и отправлено из Александрополя, куда И. Д. Попко, был командирован по служебным делам.

Интересным фактом является то, что последняя запись в дневнике смотрителя Екатеринодарского училища датирована 31 декабря 1847 г., а

первое послание в Ставрополь И. Д. Попко 19 июня 1948 г., т. е. послания являются, как бы хронологическим продолжением дневников – сначала о жизни в Екатеринодаре повествовал Василий Федорович, а затем – в письмах – Иван Диомидович.

Нельзя утверждать, что это было первое письмо другу в Ставрополь – слишком большой разрыв во времени, тем более, если учесть, что значительная часть архива Ивана Диомидовича пропала.

Отдельно хотелось бы остановиться на двух посланиях – 8 января и 26 марта 1850 г. Любопытно то, что данные письма отличаются от остальных, тем, что являются выдержками из несохранившихся дневников Ивана Диомидовича, поэтому данные письма являются самыми длинными. Происходило это из-за нехватки времени. В первом письме повествуется о новогодних праздниках и Рождестве: «это замечательное в истории рода человеческого событие позвольте представить Вам здесь, так как внесено в мой дневник – с предыдущими и последующими строками...» [3, Л. 45 об].

Дневниковые записки начинаются с 6 января 1850 г. К сожалению, не сохранилось конца письма, поэтому сказать точно, о чем говорится во второй части послания, не возможно. Кроме него есть еще 4 письма без последних страниц – за 8 июля, 9 августа и 16 октября 1849 г., а также за 29 июля 1850 г.

Во втором письме он более откровенен и рассказывает о своей повседневной жизни более подробно: «я много рассказал бы Вам о движении мелочной насущной жизни Екатеринодара в период минувшего мясоеда. Да куда уж весь этот мусор поместить на летучем листке письма! Довольствуйтесь тем, что попало в мой дневник – признаться – не так то часто раскрываемый. Продолжаю жалкую летопись, прерванную на последней строке последнего моего послания...» [3, Л. 47 об].

В данном письме находятся дневниковые записки за 11, 16, 24 и 29 января; 13, 20, 23 и 26 февраля, а также за 9 и 16 марта 1849 г. Страницы в этом послании перепутаны.

Письма позволяют по-иному посмотреть на личность И. Д. Попко. Перед нами предстает живой, образованный, общительный, остроумный, обладающий чувством юмора человек, иногда дающий нелицеприятные характеристики окружающим людям, готовый подшутить и над собой. Достаточно свободомыслящий человек либеральных взглядов.

Тематика писем самая разнообразная. Много информации о личной жизни И. Д. Попко. Большое внимание уделено «шашням Гименейским». Изучая жизнь И. Д. Попко, невольно задаешься вопросом, почему он так и не женился. В письмах есть ответ

на этот вопрос. Попробуем реконструировать некоторые нюансы личной жизни молодого Ивана Диомидовича, основываясь на некоторых фактах, почерпнутых из его писем.

Войковой старшина Андрей Андреевич Кучеров, смотритель Екатеринодарского войскового училища, имел виды на Ивана Диомидовича Попко как на потенциального жениха своей дочери, которая в письмах, на французский манер, проходит как Elise. Но молодой письмоводитель, судя по всему, не видел себя в роли ее мужа. Более того в письме от 1 ноября 1848 г. он пишет другу, что «на Бахусовой внучке меня сватают» [3, Л. 8 об].

Друзья любили давать своим знакомым характеризующие их прозвища, к примеру, Патриарх (Попка Диомид Нестерович) или Экзарх (Золотаренко Федор...) и т. д. Одним из самых загадочных персонажей из писем является Д. И. Самойлов, он же Вакх, Бахус или виночерпий. Установить, кем был этот человек, пока не удалось. Сватовство его к внучке виночерпия упоминается в нескольких посланиях. Это действие обидело А. А. Кочерова и в одном из писем И. Д. Попок жалуется другу, что «у Кочеровых бываю очень редко, потому, что они, сведав о сватовстве моем мнимом у Самойлова сделались холодными» [3, Л. 11 об].

Он даже писал другу, что «это дошло до окончательных благоприятных результатов. Вакх рад от души этой партии» [3, Л. 12], но совсем скоро И. Д. Попко почему-то меняет свое мнение о сватовстве и женитьбе и пишет В. Ф. Золотаренко: «не ищите жены, а ищите друга, который был бы, во 1-х холост и одинок, во 2-х беде, как Вы, в 3-х не невежа, в 4-х искренний мо мере надобности, в 5-х скромный и в 6-х, в душе которого Ваше хоть мимолетное раздумье находило бы себе порою отголосок...» [3, Л. 10 об.].

Такие метания продолжались около года. К примеру, 17 января 1849 г. он писал другу, что «я проник в чертоги Вакха. Но – Veni, vidi и не – vici, но разочаровался и в идеях яко и сие есть суета и произволение духа... И это поползновение к ложу Гименя дало мне лучше оценить мировые радости одиночества» [3, Л. 18а об].

В письме от 11 декабря 1849 г. «дщерь Вакхова» упоминается в последний раз. Он жалуется другу, что «добрые люди,... с свирепым усердием стараются припустить меня брачным образом ко дщери Вакховой...» [3, Л.42об] и заключает: «я прекращаю всякое сношение с чертогами Вакха» [3, Л.42об].

В письме от 2 ноября 1850 г. он ставит точку в своих попытках найти спутницу жизни и пишет В. Ф. Золотаренко: «вы имеете способность заботиться о себе, сберечь копейку, приладить к обсто-

ятельствам все помыслы и замыслы, и все поступки и делишки Ваши. Вы можете жить так, как бы шить по канве. Словом, Вы имеете благоразумие», а «этого то дара небес я не обретаю в себе, а стяжать его нельзя – на том основании, что человек каков в колыбельку, таков и в могилку. Сверх того, я ведь толкаюсь в стаде, запертом в хлеве, куда бросают так мало корму, что и одному, а не то что с самкой и приплодом, случается испытывать голод. Вот это стадо мычит, а выдти на поиск подножного корма не пускают. И так, я не женюсь – однако дотащусь кое-как до Вечного ночлега. Что же у меня в перспективе жизненного пути. Не естественно же человеку, когда еще он не махнул совсем рукой, не видеть какого-нибудь маяка в туманной дали будущности. Есть у меня маяк и дума крепкая...» [3, Л. 78-78 об].

Однако Иван Диомидович не был аскетом, 15 февраля 1849 г. он писал Василию Федоровичу: «О, какое было гадкое время! Была попрана даже 7-я заповедь и жительствовала в моем аббатстве смазливая кухарка...», а 15 февраля этого же года рассказывает другу, что с ним случилось «известное, занимательное приключение», которое «держу во мраке неизвестности даже от Анфима. Оно приключение, надеюсь останется светлым и девственным для непосредственного повествования самого героя» [3, Л. 33 об].

И. Д. Попко был храбрым и ответственным человеком, поэтому он понимал, что на данный момент он просто не сможет содержать семью, тем более что 21 июля 1850 г. он делился мечтой с В. Ф. Золотаренко, который уже несколько лет жил в Ставрополе: «горю нетерпением поведать Вам задушевную и крепкую мою думу-думушку. Как бы уехать из тюрьмы, т.е. из Войска. Это моя тюрьма» [3, Л. 61]

Огромное внимание в письмах Иван Диомидович уделяет своей повседневной жизни, о которой он рассказывает довольно часто, к примеру: «Я обитаю в замке по-старому. Со мною живет Валенька Кр-ский – ходит в канцелярию проливать чернила. В числе прислуги явился хлопчик-сиротка из станицы. Он одет аккуратно, разливает чай, набивает трубку, сметает пыль с мебели и ходит с ключами по кладовым. Я устроил погребок и намочил бураков. Прочие средства к существованию так же имеются. Встаю до свету, молюсь Богу – порою усердно, порою лениво; пью чай из огромной чашки, недавно подаренной мне генеральшею К. А., а за чаем курю и читаю «Инвалид» или «Современник». Потом начинают нарушать безмолвие моей обители посетители с просьбами, и я спешу на работу. Работаю всегда за полдень, весьма часто до 4-х по полудни. Часто работаю по вечерам...» [3, Л. 11, 11 об].

Любил Иван Диомидович и отдохнуть. Нужно сказать, что развлечений в Екатеринодаре середины XIX века было не много. Основным развлечением были походы в гости: «В этот тучный период от колбасы до последнего вареника – говоря не столь высокопарно – от святок до поста я предавался шумным удовольствиям света – преферансу и – чуть не польке. Вы спросите какие дома в особенности я посещал. Ответ – А. Посполитаки, Кордовских, не мирового Порохни, даже Игнатия Матвеевича один раз и многих других. На пирах у Григория Антоновича тож мед пил...» [3, Л. 19].

Он рассказывал не только о том, как живет сам. Почти в каждом письме он писал о житье некоторых персонажей Екатеринодара того времени: «Петруха из Сената уволен... Он определен в строительный комитет. Там почти дела нет – тем лучше для него. Кумовья Ваши, Ванятка, от. Иосиф, бакалавр все существуют и месяц грязь» [3, Л. 20 об]. Иногда передавал и сплетни: «Бирючка соприглась на брачном ложе с хорунжим Бельчанским – страшным олухом. Более замечательных соитий не было» [3, Л. 20].

Население города Екатеринодара, по российским меркам того времени было небольшим, поэтому о смерти более или менее известной личности становилось известно быстро. Летом 1848 г. в столице Черномории свирепствовала холера, поэтому в письме от 19 июля можно прочесть, что лето «весьма холерно. Сей бич, развращенного рода человеческого валяет здесь по всем по трем... Отправились ad petres: Матвей Багенский, Яремейкина жена, ветеринар Августовский и разные другие знаменитости» [3, Л. 3 об], а 4 марта 1849 г. он поведал, «что наша генеральша Корделия Адамовна (Рашпилем) минувшего февраля 21 ч. отправилась из Екатеринодара в свой Качатинский хутор, а 23 – из хутора в вечность. Прах ее почитать близ церкви в ст. Мышастовской... Вообще – в настоящую гадкую пору здешнее человечество поражают болезни внезапные и жесточайшие» [Л. 21 об, 22].

«Все что имело две ноги, облакаемые и не облакаемые в штаны, все стеноло под гнетом лихорадки эпидимической... [3, Л. 31]. Страдал от нее и И. Д. Попко. «Пишу эти или, пожалуй – сии строки, закутанный в шарф, затянутый в суконный, стеганный, Вам неизвестный сюртук, словно купецкий сын, едущий в санях в Московской губернии... Нечего и говорить, что пишу в корчее» [3, Л. 14].

3 и 4 сентября 1850 г. Иван Диомидович отправил в Ставрополь два коротких письма, в первом он просит пособить одному человеку: «страдаю ужасной желчной лихорадкой. Свет не мил... [Л. 64]. На следующий день ему заметно полегчало: «...пишу

Вам под гнетом корчее, только – благодарение Богу – в лучшем положении. Кажется отстала уже лихорадка» [3, Л. 65].

Занимался И. Д. Попко и самообразованием, к примеру, учил итальянский язык: «сюда приехал учитель французского языка из Керчи Аморетти, о котором, кажется, я говорил Вам... под его руководством изучаю итальянский язык – чтобы прочесть в подлиннике Торквато Тассо» [3, Л. 20] или читал относительно свежие журналы: «встаю до свету..., за чаем курю и читаю «Инвалид» или «Современник» [3, Л. 11].

Часто Иван Диомидович совершал поездки в Тимашевскую, где жил его отец – Диомид Нестерович Попко, в Полтавскую к своему крестному – «старика Крыжановскому»: «Минувшие праздники я провел в степи – в Тимашевске и в Полтавской...» (17 января 1849 г.) или «до Нового года я имею находиться в Тимашёвке, а с Нового года до Крещения в Полтавской у старика Крыжановского» [3, Л. 76]. Иногда он посещал отца Василия Федоровича: «...я был в Васюринке. Побеседовав с экзархом с четверть часа, в видимое утешение старику...» [3, Л. 23 об].

Приходилось ему заниматься и неприятными, но необходимыми делами: «Эти праздники, приносившие мне прежде сладостную душевную дремоту, пресыщение и забытие от забот и огорчений служебного существования, на этот раз – увы – были омрачены и преисполнены раздирающих сердце забот о спасении погибающего четвероногого достоинства. Ранняя зима с алеутскими снегами и морозами скоро истощила скудный запас сена, и я перемещал голодных и тощих животных с Кирпилей в прикубанские плавни...» [3, Л. 18 об].

Много места в письмах занимают дела служебные. Нужно заметить, что свою службу письмоводителем И. Д. Попко не любил, более того в письмах он откровенно писал, что «гидра – канцелярия приковала к своим непосекаемым головам все мое внимание. Я весь – не поглощен, а подавлен службой, превышающей мои физические и умственные силы... [3, Л. 47], «я поставлен в отношения с такими людьми, для которых не существуют права заслуги и благородства, от которых – кто б Вы ни были и какую роль ни играли – Вы должны ожидать каждую минуту всего несправедливого и горького...» [3, Л. 10].

Тем не менее, он нес службу исправно. С Г. А. Рашпилем, реже один, он совершал инспекционные поездки по Черномории – «поездки с атаманом – то для встречи и сопровождения сиятельных путешественников, то для обозрения возникающих порта и монастыря, то для обозрения станиц...» [3, Л. 46].

В 1848 г. на землях Черноморского казачьего войска был основан портовый город Ейск, новый населенный пункт очень нравился Ивану Диомидовичу, он называл его «Архангельском Черномории» [3, Л. 60]: «тут уже нет ничего казацкого, все городские русские. Народу тьма, постройки кипят. Несколькo улиц уже сформированы. Церковь, трактир, лавки, кабаки – все уже есть...» [3, Л. 60 об].

А вот к Екатеринодару отношение у него было неоднозначное, с одной стороны он описывал ассамблеи, купание и прогулки по берегу Кубани, с другой стороны, называл его Грязебургом, Грязеградом, свиной берлогой и другими нелюбимыми названиями.

В наше время Иван Диомидович больше известен, как один из первых черноморских историков, автор ряда статей и книг по истории казачества. Поэтому было бы странно, если бы в письмах не было бы книжных мотивов.

Многие историки ошибочно считают, что первым литературным опытом будущего генерал-лейтенанта стал очерк «О состоянии Черноморского казачьего войска с 1 января 1825 г. по 1 января 1850 г.», хотя в письме от 8 января 1850 г. Иван Диомидович пишет: «Я желал бы самой отдаленной и безотрадной службы – в управлении Абинском. Я восстановил бы там мой павший труд» [3, Л. 46 об].

Как писал И. Д. Попко в письме от 26 марта 1850 г: «этот труд каждый день заключает меня в тюрьму войскового архива» [3, Л. 50 об], а в послании за 28 октября того же года заключает, что «это мارانье стоило мне 40 ночей» [3, Л. 74 об]. Так что можно с уверенностью сказать, что к написанию своего труда Иван Диомидович относился как служебной необходимости.

Хотя, «16 сентября в 7 часов вечера, в Екатеринодаре я имел счастье поднести Е. В. убогий труд мой «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков». На другой день с рассветом Рашпиль получил при официальной бумаге, пожалованный мне Его Высочеством бриллиантовый перстень в 250 р. серебром» [3, Л. 72].

Далее в письме идет описание рукописи, которая представляла собой толстую тетрадь, переплетенную в атлас синего цвета. Содержание состояло из 14 отделов, к которым прилагалась карта Черномории и 5 иллюстраций, в посвящении он писал, что «я поставил себе священным долгом ознакомить с краем и войском Августейшего путешественника и атамана. Просил принять слабый труд, как выражение усердного верноподданного желания казака служить Е. В. не токмо дедовским копьем, супостата метко разящим, но и пером трудолюбивым, на снижение полезных отечеству сведений» [3, Л. 72].

В том же письме И. Д. Попко рассказывает об уничтожении черновых записей и причинах, послуживших этому: «я предал уничтожению черновые, чтобы не пошел мой манускрипт в толпу невежд и не быть мне предметом толков в обществе... Если найдут мое писанье чем-нибудь дельным, то его издадут, и тогда толкуй себе всякий, что хочешь..., а нет – так стало быть оно не стоит внимания и прямая ему дорога в Лету» [3, Л. 72 об].

В последнем, в письме от 6 февраля 1855 г. из Александрополя Иван Диомидович просит Василия Федоровича, что бы тот в двух номерах «Русского инвалида» за январь 1855 г. прочел статью И. Д. Попко и написал ему «откровенно, что Вы найдете в ней нехорошего, неловкого, что Вам с первого раза неприятно покажется» [3, Л. 84 об] и просит, чтобы тот выслушал мнение инспектора Ставропольской губернской гимназии Василия Дмитриевича Терзиева, потому что у того «пропасть критического такту».

Это потом, после того как Иван Диомидович стал есаулом, адъютантом Н. С. Завадовского, в его окружении стали появляться известные личности, вроде М. О. Ольшевского, А. И. Барятинского, И. В. Бентковского и др. Но в Екатеринодаре его круг общения в основном состоял из жителей столицы Черномории. В письмах можно встретить все сословия екатеринодарских жителей, тут и помощник письмоводителя Архип Демьянович Кияшка, и адъютант А. Г. Рашпиля Михаил Андрианович Перекрест, и штаб-лекарь Игнатий Матвеевич Свирицкий-Сварик, и учителя Екатеринодарского училища Павел Григорьевич Барилко (учитель истории и географии), Евгений Дементьевич Аморетти (учитель французского языка), Михаил Андреевич Сапега (учитель русского языка) и др.

Другую часть представляют персонажи, которые называются по имени, отчеству или только по фамилии: Кордовские, Петруха, Ванятка, старик Крыжановский, Иван Евдокимович, вечный Гаврило, неизбежный Иван Корнеич, ктитор Орда и др.

Некоторые упоминаются по роду деятельности или прозвищам: черномазый дяконец, Вахх, Егориха, бакалавр, Петрюк, Куцая пани и др. Работа по установлению данных личностей продолжается. По некоторым есть предположения, которые требуют дополнительных поисков и запросов.

Судя по письмам, отношения с некоторыми из окружающих его людей, у Ивана Диомидовича были не простыми. К примеру, к тому же, А. Л. Посполитаки И. Д. Попко довольно часто ходил в гости, Александр Лукич выполнял просьбы Ивана Диомидовича, когда последний просил его отвезти или привезти, что-либо из Ставрополя. Но, тем не менее, И. Д. Попко относился к Посполитаки как

к «отставному титуляру, пустившемуся в аферы» [3, Л. 44, 44 об] и не одобрял многие его коммерческие предприятия. С одной стороны, просил атамана о привилегии обедать у того дома, с другой обвинял его в подозрительности: «Побывать в Ставрополе можно бы найти случай, но эту невинную поездку мрачная подозрительность Рашпиля истолкует, как происки какие-нибудь у Завадовского» [3, Л. 28 об] и, характеризуя свои отношения с Г. А. Рашпилем, писал, что «эти отношения в цветущем состоянии. Но слишком было бы глупо верить их прочности» [3, Л. 19 об, 20].

В письмах приводится много неизвестных и любопытных фактов из жизни друзей. К примеру, в письме от 1 ноября 1848 г. есть интересная фраза: «Сегодня в следствии предварительных распоряжений, проходили в академии торги на извлеченную из архива рухлядь... Зрелище торжественно-комическое. В поощрение нерешительности толпы я взял значительную часть скарбу – что можно зреть в прилагаемой при сем описи» [3, Л. 7 об]. Странно, то, что списка среди писем обнаружить не удалось... Вопрос в том, а был ли список и если был то куда исчез. Данный документ был бы очень интересен не только тем, что приобрел Иван Диомидович, но он бы дал представление исследователям об архиве Екатеринодарского училища и интересах будущего историка.

В другом письме от 16 сентября 1849 г. интерес представляют воспоминания И. Д. Попко о своей юности: «Меркурьевна, лес с скворцами и воронами, Астрахань, Москва, Афины, на площади Екатеринодара...» [3, Л. 27 об]. В Астрахани и Москве Иван Диомидович учился, а почему в письме упомянута столица Греции пока установить не удалось.

Метафоричность стиля писем И. Д. Попко говорит о его образованности и начитанности. В некоторых посланиях он цитирует строки из произведений А. С. Пушкина, В. К. Третьяковского, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова. Довольно часто в эго письмах присутствуют оригинальные и парадоксальные сравнения: «...не совестно ли писать, не совестно ли совать мертвую букву там, где будет звучать живой язык? Нужно ли, говоря словом одного арабского мудреца, возжигать светильник при сиянии солнца» [3, Л. 16]; «Облечение вашей личности в тогу регистраторства, подбитую, так сказать, теплым мехом титуляризма приносит мне истинное душевное удовольствие. Кажись чему бы такому сочувствовать? Коллежский регистратор – эка диковина какая! Последняя ступень в лестнице существ чиновных. Коллежский регистратор! Да кто ж не коллежский регистратор! Ну просто – безделица. Но Вы представляетесь в этом регистраторстве, как в каком-то лучезарном, розовом, утренняя,

светлом свете. Вы мне представляетесь существом юным, безбакенбартным и даже – черт знает, что за фантазия! – не покупавшим еще ни разу в жизни бритвы. Собрался я писать Вам – и регистраторство Ваше неодолимо повлекло меня к воспоминаниям» [3, Л. 27 об, 28]; «Сей млат мне очинно полюбился: я увидел в нем множество эмблем, применяемых к моей глупейшей жизни...» [3, Л. 38]; «...хотя в душе убежден, что по нашему, хохляцку, строю не будешь цапом, ни козою, а вона запевае що волом» [3, Л. 33]; «Душевно благодарю Вас за привет с чиновом, имеющим значение Владикавказа на военнотурецкой дороге службы» [3, Л. 55].

Мог Иван Диомидович и пошутить: «Пользуясь движением усмистого тарантаса нашего директора от наших болот до Ваших холмов, посылаю Вам обломок исполинского корня хрена. Это растение способное возбуждать слезы умиления и даже потрясать чувствительные носы-назусовичи, готовили мы на Лондонскую всемирную выставку, как замечательный предмет растительного богатства нашей почвы, да опоздали – в буквальном почти значении – горчица пришла после ужина» [3, Л. 75, 75 об.].

Письма, как документ эпохи, позволяют получить ответы на некоторые вопросы из жизни молодого Ивана Диомидовича. Узнать доселе неизвестные нюансы из личной жизни будущего генерал-лейтенанта, его взаимоотношений с некоторыми персонажами из ранней истории Екатеринодара. С другой стороны, при работе над письмами, возникли новые вопросы, на которые необходимо получить ответы.

В коротком формате статьи невозможно рассказать обо всех нюансах переписки двух друзей. Поэтому мы постарались коснуться тех вопросов, которые, как нам кажется, могут представлять наибольший интерес для специалистов, интересующихся не только жизнью И. Д. Попко и в. Ф. Золотаренко, но и повседневной историей Черноморья середины XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотаренко В.Ф. Город Екатеринодар в 40-х годах прошлого столетия: рукопись «Плач Василия при реке Кубань» // Известия ОЛИКО: Вып.4. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1909.
2. Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском: [Со времени последнего онога на всемилостивейше пожалованной земле по 1831 год] / [Соч.] А[лександра] М[ихайловича] Туренка. Киев: тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамом, 1887. [2], 149 с.
3. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф.377. Оп.1. Д.7.

REFERENCES

1. Zolotareno V.F. The city of Ekaterinodar in the 40s of the last century: the manuscript "Weeping of Vasily at the Kuban River". News of the Society of lovers of the study of the Kuban region: Issue 4. Ekaterinodar, Printing House of the Kuban Regional Government, 1909. (In Russ.)
2. Turenko A.M. Historical notes on the Black Sea army. Kiev, A. Davidenko Printing House, rented by L. Stam, 1887. 149 p. (In Russ.)
3. The State Archive of the Stavropol Territory. F.377. Op. 1. D 7. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванцов Игорь Григорьевич,**

кандидат исторических наук, доцент 1-ой кафедры Краснодарского высшего военного училища, г. Краснодар, Россия. Тел.: (905) 476 92 07, e-mail: IIG23@yandex.ru

Дубинин Игорь Владимирович,

библиотекарь Динского механико-технологического техникума, станица Динская, Краснодарский край, Россия. Тел.: (952) 853 62 07, e-mail: titlo@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS**Ivantsov Igor Grigoryevich,**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of First Department of the Krasnodar Higher Military School, Krasnodar, Russia. Ph.: (905) 476 92 07, e-mail: IIG23@yandex.ru

Dubinin Igor Vladimirovich,

Librarian of Dinsky Mechanical and Technological College, Dinskaya Village, Krasnodar Territory, Russia. Ph.: (952) 853 62 07, e-mail: titlo@mail.ru

Статья поступила в редакцию 9.03.2020